

«Письма и записки Оммер де Гелль» П. П. Вяземского. Полевой также прибегает к подобного рода построению в историческом жанре – в мемуарах и создает убедительно яркий образ поэта-крестьянина, отвечающий представлениям социалистического послевоенного времени. Стоит присмотреться к другим историческим сочинениям Полевого: нет ли и в них аналогичных конструкций.

Если мы откажемся от сугубо конкретной оценки творчества Полевого, мы совершим большой шаг вперед. С конкретно исторической точки зрения сочинения Полевого могут показаться устаревшими, ведь лозунг «ты – советский человек!» едва ли кого сейчас прельстит. Но если мы попытаемся рассмотреть, как построены тексты Полевого, мы сможем увидеть в них нечто новое и полезное для современности.

Е.Н. Васильева

ЖАНР ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Б.Н. ПОЛЕВОГО

Производственный роман возник на начальном этапе формирования соцреалистического канона, обозначив одну из его приоритетных тем (тему созидательного труда) и соответствующий приоритетный тип героя. Объектом изображения (по призыву М. Горького) стал труд. Производственный роман был востребован на протяжении всей истории существования литературы советской эпохи: «Цемент» Ф. Гладкова, «Бруски» Ф. Панферова, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Танкер “Дербент”» Ю. Крымова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Соть» Л. Леонова, «День второй» И. Эренбурга, «Люди из захолустья» А. Малышкина. Конечно же, эти произведения не могли не оказать влияния на раннюю прозу Б. Полевого, который формировался как личность, как писатель в советское время и будучи корреспондентом газеты, оказывался в гуще происходивших в стране событий.

Формирование жанра производственного романа стимулировалось не только изобилием жизненного материала (развитие производства и строительства, ритм первых пятилеток), но и требованиями со стороны литературной критики. Например, предельно ясно они были выражены в редакционной статье «Литературной газеты» от 29 мая 1932 года: «Перед писателем стоит важная, ответственная и почетная задача – создать такие художественные произведения, которые были бы понятны и нужны строителям социализма, которые бы помогли выкорчевывать собственнические навыки из сознания людей».

В качестве важнейшей функции литературы директивно была объявлена воспитательная. Предписывалось рассматривать героя в первую очередь как члена коллектива, как участника производственного процесса.

В жанре производственного романа в сравнительно короткий срок сложилась жесткая сюжетно-композиционная схема. Действие происходит на крупном предприятии или стройке. В произведении отсутствует центральный персонаж, а композиционным центром становится группа – бригада, коллектив. Фактором же, движущим действие, становится решение производственной задачи и наряду с этим – укрощение человеческой стихии. Б. Полевой, активно работающий в жанре производственного романа, в основном «вписывался» в подобную схему.

Первая производственная повесть начинающего писателя Полевого – «Покорение «Сибири» (1931). Поясним название произведения: «Сибирью» на каустическом заводе при ситцевой фабрике в Твери еще с дореволюционных времен называли самый тяжелый и «безнадежный» участок в цехе. Именно сюда, на отстающий участок, куда обычно отправляли лодырей и прогульщиков, со своей комсомольской бригадой добровольно переходит Виктор Кириллов. Для автора важно создать групповой портрет, подчеркнуть, что энтузиазм передовой бригады способен на многое, почти на невозможное. В соответствии с требованиями времени на первый план выдвигается коллектив, способный воспитать в человеке достойного строителя светлого будущего. Излишняя тенденциозность приводит к тому, что в повести не выписаны характеры, а лишь намечены эскизы колоритных фигур. Человеческая индивидуальность стирается, все подчинено жестким рамкам обозначенного жанра.

Производственный роман условно тяготеет к двум типам построения. В первом случае в качестве композиционной доминанты могло выступать Дело. Тогда основой событий становилась некая производственная цель – побить рекорд. В другом случае композиционной доминантой становилась эволюция сознания кого-либо из героев. В таком произведении появлялось два центра, символизирующих добро и зло. Динамические персонажи развивались от одного центра к другому. Обе модели не противостояли, а скорее тяготели друг к другу. Ярким подтверждением тому служит повесть Б. Полевого «Горячий цех» (1939), отразившая общий пафос литературы 1930-х годов.

Впервые повесть была опубликована в журнале «Октябрь», что явилось значительным событием в жизни молодого провинциального автора. У этой книги своя история. Б. Полевой вспоминал: «Однажды на Калининском вагоностроительном заводе мне посчастливилось стать свидетелем новаторского рекорда, поставленного не знаменитым

калининским кузнецом, который в это время ездил по заводам Урала и Волги с демонстрацией своего опыта, а молодым хулиганским пареньком с весьма неважной репутацией. Заводские люди были смущены этим неожиданным его рывком не меньше, чем я, случайный свидетель. Пораженный этим, я постарался поглубже влезть в историю события, и она вдруг развернулась из частного трудового успеха, каких, в общем-то, случается немало, в драму сильного, тяжелого, неуживчивого характера, вдруг сломавшегося под напором доброй воли коллектива, сломавшегося и раскрывшегося в лучших своих чертах»¹. Так, реальное событие легло в основу повести «Горячий цех».

Бывший беспризорник, человек прежде малозаметный на заводе, неуживчивый, внезапно для окружающих ставит рекорд по ковке вагонных осей. «Всех это просто поразило, ибо в те дни все мы были наивно убеждены, что совершать трудовые подвиги могли лишь люди благонравные, достойные во всех отношениях»². Всем ходом развития сюжета автор дает собственное объяснение случившегося: под влиянием того, что происходило вокруг, Сизов раскрылся в своих лучших качествах, буквально переродился. Творческое отношение к труду дало импульс для самореализации незаурядной личности. Писателя в данном произведении интересуют прежде всего особенности развития характеров в производственной, общественной деятельности, что явилось новаторским шагом не только для самого автора, но и для литературы этого периода в целом.

Повесть Б. Полевого была в основном типична для своего времени. Место действия – завод, конфликт – расстановка положительных и отрицательных «сил» – все это в предвоенной советской прозе варьировалось не один раз. Главное же, чем отличается повесть Полевого, – это неожиданная для той поры трактовка центрального образа героя повести Евгения Сизова. Откровенно полемизируя с трафаретом литературной схемы «перевоспитания трудного персонажа», писатель с первых страниц произведения намечает сложный и противоречивый характер. Герой честолюбив, вспыльчив, упрям, и в то же время парень он неплохой, его тянет к настоящим людям, он переживает за дело. Главной авторской задачей становится не столько решение производственного конфликта, который постепенно нивелируется, сколько анализ психологической коллизии.

Б. Полевой признавался: «Повесть эта особенно дорога для меня тем, что она мне показала, а читательский прием подтвердил, что можно писать художественные вещи точно по канве реальных событий, что возможно вводить в книгу реального современника, который, если он

¹ Полевой Б. Оглядываясь на прожитое // Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. Орджоникидзе: Издательство «Ир», 1977. С. 309.

² Полевой Б. Силуэты. М.: «Советский писатель», 1978. С. 8.

несет в себе типичные приметы времени, продолжая существовать в жизни, может стать и героем литературы»¹. Мы видим, что писатель ориентировался на общую тенденцию развития литературы, которая становится буквальным отражением жизни. Произведения Б. Полевого – неотъемлемая часть той эпохи, когда идеологическая составляющая оказывалась приоритетной, довлеющей над художественным началом. Отсюда повесть «Горячий цех» перегружена вспомогательными эпизодами, технологическими деталями; психологический рисунок образов неровен. Писатель искренне полагал, что подобная тенденция оправданна и жизнеспособна: «Радовало меня и то, что книжка эта обсуждалась не столько на литературных собраниях, где ее встретили в общем-то довольно кисло, сколько на широких заводских читательских конференциях»². Сегодня мы понимаем, почему подобные произведения оказывались вне поля зрения серьезных литературоведческих исследований. Полевой прежде всего оставался журналистом, публицистом, для которого в произведении была важна фактографическая основа.

После выхода первого и второго изданий повести – в 1940 и 1954 годах – критика не раз проводила параллели между «Горячим цехом» Полевого и «Танкером «Дербентом» Ю. Крымова. По мнению исследователей (Б. Галанов, А. Кондратович), Полевой и Крымов одними из первых отразили в прозе эпоху начала стахановского движения, когда «горячим цехом» становилась вся страна. Но не только общность темы сближает предвоенную прозу Полевого и Крымова. Оба писателя старались избегать иллюстративности, оспаривая мнение о том, что коллективизм нивелирует человеческую личность, что рабочий-энтузиаст духовно одномерен.

Работая в общем для советской литературы «ключе», Б. Полевой делает главными героями своих произведений представителей рабочего класса. 1950-е годы в эволюции Полевого-художника сыграли заметную роль. Писатель продолжает осваивать производственную тему. Герои его произведений этих лет – «труженики мира», которые продолжают «битву за жизнь и человеческое счастье» на полях, заводах, стройках. В основном на одной биографии Пантелея Казымова построена повесть «Вернулся!» (1949). Главный герой – сталевар, который тяжело переживал временную потерю квалификации и горячо рвался на родной завод. Роман-хроника «Глубокий тыл» (1958) тяготеет к многогранному отображению действительности. Писатель изображает город Верхневолжск, где еще вчера бушевало сражение, лилась кровь, а сегодня в полуразрушенных заводских цехах голодные, обессиленные люди встают на круглосуточную вахту, чтобы ковать победу. Причем

¹ Полевой Б. Оглядываясь на прожитое. С. 310.

² Там же.

автор берет не исключительные обстоятельства, а повседневные трудовые будни; действие разворачивается в фабричных цехах, в семье, в рабочем общежитии. Эти будни восстановления народного хозяйства, насыщенные непростыми нравственными конфликтами, проявляют красоту души одних, пустоту и никчемность других. Герои этих произведений Б. Полевого продолжают ряд героев поэм А. Яшина, романов Г. Николаевой, В. Ажаева. В этом смысле Полевой ориентируется на традиции литературы соцреализма.

Роман «На диком берегу» был задуман как книга о важнейших свершениях на трудовом фронте. Теперь Б. Полевой берет производственную тему в более широком ракурсе, раскрывая направление общественного развития. Перипетии строительства гигантской электростанции на берегах сибирской реки дали ему материал для изображения действительности.

Роман создавался в конце 50-х – начале 60-х годов (опубликован в 1962) в период начала «оттепели», и автор попытался отойти от характерной для литературы начала 1950-х годов лакировки действительности. Динамичность действия обусловлена острым социальным и психологическим конфликтами. С одной стороны, по канонам жанра в романе представлены герои-антагонисты: Петин и Литвинов. Но, с другой стороны, писатель сознательно выходит за сложившиеся рамки жанра. Дело не просто в контрасте, не в том, что Литвинов – герой положительный, а Петин – отрицательный. Вопрос гораздо глубже. Речь идет о двух мировоззрениях, о двух жизненных философиях.

Для Литвинова нет сомнений в том, что в основе любой работы лежит «энергия, инициатива, творчество». Практик, начальник производства, он не ограничивается инженерными расчетами, а опирается на людей, верит им, пробуждает их инициативу. «Отличная информация хороша, – заявляет Литвинов. – Но разве она заменит когда-нибудь живые человеческие контакты»¹. Умение устанавливать контакты, воодушевлять коллектив на выполнение поставленных задач отличает этого руководителя. Федор Литвинов в обрисовке автора – герой-созидатель. Каждый период жизни страны выдвигает своих героев. Б. Полевой уверенно продолжает линию, начатую ранее советской литературой: Глеб Чумаков из «Цемент» Ф. Гладкова, Батманов из романа «Далеко от Москвы» В. Ажаева и другие.

Автор рисует особый тип героя – ловкого конъюнктурщика и приспособленца Петина. Он достаточно грамотный, инициативный специалист, но живет не интересами дела, а заботой о том, как бы прославиться, «организовать» рекорды, «потопить» неугодных. Петин, в сущности, весь мир воспринимает не иначе как сумму чьих-то личных

¹ Полевой Б. На диком берегу. Л.: Лениздат, 1976. С.137

интересов. В поступках людей он всегда усматривает мотивы, которыми руководствовался бы он сам. Поэтому даже простые вещи получают в его сознании самое уродливое преломление. Он, Петин, и на стройку приехал только потому, что увидел в этом возможность выдвинуться, быть замеченным в «верхах». Прикрываясь пафосными речами, он не гнушается любых средств для достижения своей цели, вплоть до клеветы и доносов. Во время болезни Литвинова Петин решил «показать себя» и затеял основанный на приписках штурм – «бросок к коммунизму». Один из героев романа справедливо заметил: «Все ясно. Выждал и пошел в гору... Этот на ходу у самой истории подметки срежет»¹. Но главная опасность, по мнению писателя, даже не в самом Петине, а в том, что методы, которыми он действует, делают его почти неуязвимым. Страшен не столько сам Петин, сколько «петинщина», – этот вывод, к которому приходит Литвинов, звучит в романе предостережением. Уроки этого явления чрезвычайно поучительны. Именно поэтому писатель столь скрупулезно исследует ее нравственно-психологические истоки, равно как и разнообразные ее последствия.

Б. Полевой писал о необходимости в искусстве некоего «увеличительного стекла». Оно «позволяет максимально приблизить, до мельчайших деталей разглядеть каждый факт, разглядеть и осмыслить. Образно говоря, такое увеличение (не преувеличение!) фактов, характеров, событий реальности и представляет писателю большие возможности для художественного обобщения, широкого осмысления – в масштабах времени – прожитого»². Автор подчеркивал, что Петин как литературный тип – это «не плод голого писательского воображения, но образ реальный и в то же время обобщенный, собирательный». Полевой создал не только достоверный образ, но и обозначил контуры общественно-опасного явления, отразив тенденцию, начатую Л. Леоновым в романе «Русский лес» и Ю. Трифоновым в романе «Старик».

Один из ведущих конфликтов в романе «На диком берегу» возникает, когда становится реальностью затопление давно обжитых сел. Сибирское море должно похоронить под своими водами земли, возделанные еще при Ермаке. Сюжетная линия романа Полевого, посвященная судьбе исчезающих деревень и написанная публицистически строго, – это одно из первых обращений в литературе начала 60-х годов к сложной теме конфликта между НТР и патриархальным укладом деревенской жизни (позже – драматическую судьбу одной из таких деревень, Матеры, философски осмыслит В. Распутин).

¹ Полевой Б. На диком берегу. Л.: Лениздат, 1976. С. 463.

² Полевой Б. Горизонты реальной фантазии // Литературное обозрение. 1974. № 5. С. 106.

Роман открывается эпиграфом: «“Ваше любимое изречение?” Карл Маркс: “Ничто человеческое мне не чуждо”». На наш взгляд, эпиграф не только отвечает содержанию произведения, но и подчеркивает внутреннюю оригинальность авторского замысла и, пожалуй, определенную полемичность по отношению к сложившемуся к тому времени типу производственного романа, к традиции иллюстративного, бесконфликтного изображения действительности. Полевой попытался увидеть на панорамно-широком фоне сибирской стройки скрытые, глубинные тенденции общественного развития. Автор отразил значимое для страны событие и не утратил при этом его жизненного наполнения. Главным для писателя оказалось не просто изобразить строительство Братской гидроэлектростанции, а показать людей, оказавшихся в непростых условиях и проявивших отличительные черты своего характера. Правда, финал в романе выглядит облегченным и вполне отвечает устоявшейся схеме жанра – «добро» побеждает «зло».

В разговоре о творчестве любого писателя тема героя особенно важна. «По художественным типам, созданной советской многонациональной литературой, вполне можно воссоздать историю нашего общества, проследить основные линии его развития ...» – эта мысль Г. Маркова с творчеством Б. Полевого-прозаика соотносится напрямую¹. Действительно, в стремлении к достоверной обрисовке характера человека труда Б. Полевой следовал общему направлению освоения производственной темы искусством 1930-1950-х годов. Человек как воплощение идей времени – тема Бориса Полевого от довоенной корреспонденции в газетах до романа «На диком берегу». Это и тема его творчества, и образ его жизни.

А.М. Бойников

СВОЕОБРАЗИЕ РАСКРЫТИЯ ТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА» В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ Б.Н. ПОЛЕВОГО «В ТУ ТЯЖЁЛУЮ ЗИМУ...»

Цикл очерков известного русского советского писателя и журналиста Бориса Николаевича Полевого (1908-1981) «В ту тяжёлую зиму...» сложился из корреспонденций, посланных им с Калининского фронта в газету «Правда» в период с октября 1941 г. по февраль 1942 года. В них отразились два значительных события начального периода Великой Отечественной войны, непосредственно связанных с нашим краем: оборона г. Калинина (Твери) и его освобождение от немецко-

¹ Марков Г. Долг литературы – быть достойной современности. // Новый мир. 1981. № 4. С. 220.